

ЛИЧНОСТНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ВИРТУАЛИЗАЦИИ БЫТИЯ

Е. И. Богомолова¹

В статье представлены результаты анализа западных и отечественных исследований, рассматривающих с различных теоретических позиций проблемы усиливающегося влияния виртуализации общества на личность и ее бытие.

Авторы едины в оценке значимости для личности усиливающейся интегрированности в среду каждодневных социальных интеракций виртуальных социальных сетей. Но в том, как именно исследователи рассматривают и оценивают проблему личностной идентичности в условиях виртуализации бытия, сохраняются различия.

Один из самых обсуждаемых аспектов виртуальной реальности — направленность личности на сохранение анонимности. В результате проведенного анализа позиций исследователей были выделены два наиболее распространенных взгляда на анонимность в виртуальном бытии и проблему достоверности личности в сети. Одни авторы фиксируют феномен *деиндивидуализации* и ориентацию личности на идеализированное, утрированное самопредъявление, другие убеждены в том, что анонимность обогащает способы самопрезентации человека через приобщение чужого образа, попытку трансляции собственного Я в Другого и поиска отражения себя в Другом.

С появлением социальных сетей тенденция в области анонимности изменилась и выражается в движении от экспериментирования с идентичностью к «стабилизации идентичности» в сети. Обсуждаемой проблемой является *полиидентичность* личности. В равной степени распространены мнения о естественности состояния множественной идентичности современного человека, включенного одновременно в несколько процессов взаимодействия с Другими, и об опасности увлеченности личности созданием множественных цифровых идентификаций и, как следствие, ее «выпадение» из реального бытия.

Выявленная в исследовании западных ученых ориентированность пользователей социальных сетей на трансляцию своего истинного Я в виртуальном пространстве свидетельствует о тенденции пользователей открыто заявлять о себе. Данные проведенного нами исследования, обнаруживают сложную дифференциацию, связанную с неоднозначностью позиции, занимаемой пользователями социальных сетей — *субъектной или асубъектной*. Первая выражается в трансляции личностью своей истинной идентичности в реальном и виртуальном бытии, вторая — в стремлении избегания реальных контактов, уходе в виртуальное пространство, формировании ложной идентичности.

Ключевые слова: личность, субъект, идентичности, бытие, со-бытие, общение, виртуальная реальность, социальная сеть, анонимность.

¹ Богомолова Екатерина Ильинична – аспирант кафедры психологии личности и общей психологии Кубанского государственного университета. Эл. почта: bogomolova_kate@bk.ru.

Процесс виртуализации бытийного пространства и виртуализирующаяся личность

Поиск идентичности является важнейшим для самоактуализирующейся личности, стремящейся к достижению аутентичности бытия. Современное бытие личности предлагает для этого богатые возможности, в том числе и в виртуальной сфере. Виртуальные социальные сети давно и плотно интегрированы в среду каждодневных социальных интеракций и активно используются в качестве основного средства связи с Другими [Boyd, Ellison, 2007; Valkenburg, Peter, 2009]. Реальное бытие личности занимает платформы в Интернете, получает виртуальные представительства, новые ресурсы и возможности. Человек в свою очередь все четче проявляется в виртуальном поле взаимодействия и общения, дополняя свою реальную активность виртуальными атрибутами и инструментами [Рябкина, Богомолова, 2013]. В ходе этого процесса границы online- и offline-бытия стираются и зачастую сложно распознать, где заканчивается одна жизнь и начинается другая, где исчезает offline-личность и возникает online.

Неоднозначность социальных норм, многообразие сфер коммуникации, форм самопредъявления в сети поднимают актуальную для гуманитарных наук тематику личностной идентичности в условиях виртуализации бытия (А. Albrechtslund (Дания), Т. Indalecio, Zhao Shanyang, S. Grasmuck, J. Martin, D. Boyd (США), А. Yong-Yeol, Н. Seungyeo, К. Haewoon (Корея), А. Г. Асмолов, Г. А. Асмолов, А. В. Войскунский, А. Е. Жичкина (Россия) и др.).

Какие изменения происходят с личностной идентичностью в результате прогрессирующей виртуализации? Как изменяется виртуальное пространство под воздействием спросов, поставляемых пользователями? Дискуссии о том, насколько реальна личность в поле виртуального бытия, ведутся уже давно и позиции меняются так же стремительно, как и виртуальный мир и его особенности. Эти изменения затрагивают аспект анонимности личности, характер ее истинности и достоверности в сети и неизбежно влияют на самоощущение и характер самопредъявления субъекта виртуальной интеракции. Статья направлена на обобщение результатов исследования данных феноменов зарубежными и отечественными авторами.

Особенности анонимности личности в изменяющемся виртуальном пространстве

Филип Зимбардо предположил, что обезличенность в больших городах уже сама по себе гарантирует анонимность, в таком случае социальная сеть — есть мегаполис в мегаполисе [Zimbardo, 1970].

По мнению Ф. Зимбардо, в ситуации анонимности человек в меньшей степени отдает себе отчет в своих действиях и становится более импульсивным и восприимчивым по отношению к внешним провокациям и ситуациям.

Согласно традиционной точке зрения, анонимность снижает внимание к себе, вследствие чего снижается самоконтроль. В данном контексте уместно понятие «деиндивидуализация» (deindividuation) — частичная утрата самосознания и боязнь оценки. Это явление часто возникает в групповых ситуациях виртуального общения, которые гарантируют личности анонимность и не концентрируют внимание окружающих на отдельном человеке [Майерс, 2000]. Человек стремится одновременно быть в сообществе, быть причастным к нему, но не выделяться из него.

По проблематике анонимности в виртуальном пространстве существует множество теорий и предположений. С позиции одной из них анонимность общения в Интернете обогащает способы самопрезентации человека, предоставляя ему возможность не просто создавать о себе впечатление по своему выбору, но и быть тем, кем он захочет [Жичкина, 2001]. Пользователь стремится разнообразнее презентовать себя сообществу, но не быть собой или быть идеализированной версией себя, ожидая отклика общественности на конструируемый образ [Косивченко, 2012].

С другой позиции, недостаток выразительных средств, характеризующий виртуальную реальность, в сочетании с анонимностью может наделять личность утрированными, очень выразительными атрибутами силы, могущества, красоты и т.п. [Жичкина, 2009; Reid, 1991]. Данная позиция согласуется с мнением С. И. Выгонского, который пишет: «Анонимность участника сетевых интеракций приводит к тому, что все его скрытые психологические комплексы раскрываются и являются окружающим во всей своей первозданной красе» [Выгонский, 2010, с. 108]. Такое поведение, с точки зрения автора, сопряжено с возникающим чувством безнаказанности, чувством собственного величия. Возникает иллюзия полного контроля над реальностью. В крайних случаях последствия долгих контактов с виртуальной реальностью могут привести к возникновению безосновательного чувства собственного бессмертия, величия и совершенства. А. Адлер по этому поводу говорил следующее: «Тот, кто понимает эту цель богоподобия как реальную и личную, воспринимает ее буквально, вскоре будет вынужден в качестве компромисса избегать настоящую жизнь, в лучшем случае в искусстве, но чаще всего... в неврозе или в преступлении» [Адлер, 1995, с. 14].

Существует диаметрально противоположная точка зрения. По мнению А. Е. Жичкиной, анонимность усиливает ориентацию воспринимаемого человека на «усредненного другого», стремление быть понятным с конвенциональной, общей для всех людей точки зрения [Жичкина, 2001]. Понятие «Я» и «Другой» синтезируются в понятии идентичности, в результате чего человек способен включать свое Я в Другого и находить Другого в себе. Данное явление характеризует процесс поиска идентичности человека — он должен погружаться в Другого, примерять чужой образ, маску. Таким образом, в ситу-

ации анонимности человек не теряет контроль над собой, она лишь усиливает стремление человека вести себя в виртуальной бытийности, учитывая социальные нормы, принятые в со-бытии с Другими.

С появлением социальных сетей привычные для пользователей особенности виртуальной анонимности видоизменились, сегодня заинтересованному пользователю соблюсти анонимность становится все труднее. Здесь уместна точка зрения Дж. Сулера, согласно которой никто не может быть полностью анонимным — абсолютно невидимым, без имени, идентичности или межличностного взаимодействия вообще [Suler, 1997].

Мы предполагаем, что происходящие изменения обусловлены спецификой социальной сети, транслирующей максимально реальную личность и выявляющей собственную достоверность в различных аспектах своей online-жизнедеятельности. Это обоюдный процесс: с одной стороны, пользователь принимает условия и политику анонимности социальных сетей и действует в соответствии с ними, с другой стороны, возникающая тенденция стремления человека заявлять в сети о себе достоверном изменяет его поведение в направлении формирования истинной виртуальной идентичности.

В вопросе направленности личности на сохранение анонимности в виртуальном пространстве бытия можно выделить два наиболее распространенных взгляда исследователей. Одни авторы фиксируют феномен деиндивидуализации и ориентации человека на идеализированное, утрированное самопредъявление, позволяющее человеку быть тем, кем он захочет, или не быть собой, присваивая себе утрированные атрибуты сверхчеловека. Другие исследователи убеждены в том, что анонимность обогащает способы самопрезентации человека через приобщение чужого образа, попытку трансляции собственного Я в Другого и поиска отражения себя в Другом. Это в свою очередь выступает одной из сильнейших мотивирующих сил включения личности в виртуальную интеракцию [Косивченко, 2012; Рябикина, Богомолова, 2013].

С появлением социальных сетей тенденция в области анонимности в виртуальном пространстве изменилась, обнаруживая стремление человека заявлять о себе истинном, преобразовав его направленность в области собственной идентичности.

Формирование идентичности в виртуализирующемся мире

По мнению Ж. Липовецки, современное общество переживает «вторую индивидуалистическую революцию» [Липовецки, 2001, с. 17]. Не лишено основания мнение о том, что современное общество характеризуется им как «эра пустоты». Эта пустота одновременно связана с процессом персонализации (фр. *personne* — никто, кто-либо). То есть персонализация характеризуется не только индивидуализацией, но и опустошением.

Сложный, путанный процесс поиска собственной идентичности пронизывает всю индивидуально и социально направленную активность личности. Индивидуализация человека становится ключевым путем его жизни и деятельности во всех ипостасях — в профессии, обучении, увлечениях, творчестве, отношениях с Другими, общении, поиске и утверждении собственного места в жизни. Это обусловлено стремительным движением от так называемой назначенной (социумом, нормами, правилами, семьей) идентичности к самостоятельно сформированной, выбранной. Данный процесс ведет к кризису идентичности, в который, безусловно, включено и виртуальное пространство бытия, как пространство включенности личности во взаимодействие с Другими. По утверждению некоторых ученых, современная личность «рассыпается» на множество идентичностей, образов, масок, скрывающих его истинное лицо. В данном случае применимо утверждение Ж. Бодрийера о «зыбкости личностных идентичностей», свидетельствующей о стирании инстанции Я, выступающей гарантом самоощущенности личности. «Теперь все разобщены и безразличны под властью телевидения и автомобиля, под властью моделей поведения, запечатленных во всем — в передачах масс-медиа или же в планировке городов. Все выстроены в ряд, и каждый бессознательно отождествляет себя с умело расставленными направляющими симулятивными моделями» [Бодрийер, 2000]. Виртуальная реальность становится источником и посредником создания новых продуктов коммуникации личности — виртуальных образов, online-идентичностей. Возникает реальная опасность зависимости личности от порожденных ею самой цифровых идентичностей, от собственного виртуального Я [Богомолова, 2013].

В результате возникновения несогласованности двух идентичностей и неочевидности физического лица, выступающего за виртуальным образом, были сформулированы такие понятия, как «домены плавающих идентичностей», «плавающие идентификации», «ускользающие идентификации», Анна Висо вводит понятие «электронная идентичность» [Viseu, 1999], Марк Постер говорит о «мобильной идентичности», подразумевая под этим постоянно изменяющуюся идентичность [Poster, 2000]. Человек окружен «зеркалами симулякров, в которых личность (идентичность) теряется в несчетных отражениях, теряется перед отражением своей *полиидентичности*, отражающей чарующий политеизм человека — не столько многобожие, сколько многочеловечие: многие неуловимые, мимолетные лики и отблески того единого (человека), что может быть (если не быть, то притвориться) многим» [Фокин, 1994, с. 226].

Неоспорим факт, что виртуальная реальность дает все возможности человеку, чтобы «притвориться многими» и стать носителем полиидентичности, чему по-прежнему может способствовать сохраняющаяся анонимность. В рамках виртуального сообщества, сфокусированного на фантазийной тематике (вымышленной или основанной на каком-либо произведении, например,

«Звездные войны», «Властелин колец»), существующей по определенным законам выбранного жанра, пользователь, примеряя ту или иную роль, действует от ее имени и буквально ее руками. Множество людей проникают и вживаются в мир фантазий одного человека, примеряя на себя порожденные им *образы*. Так формируется *fantasy-идентичность*, впоследствии способная полноценно интегрировать в реальное бытие личности. В этот момент могут возникнуть проблемы зависимости от *fantasy-идентичности* и *fantasy-бытия*, проблемы достоверности личности, авторства, аутентичности бытия, соотнесенности с Другими. «В запустении, где я потерян, мне безразлично эмпирическое познание моего подобию с другими, ибо сущность *меня* состоит в том, что ничто и никогда не сможет заменить: чувство моей *фундаментальной недостоверности* располагает меня в мире, в котором я остаюсь ему посторонним, абсолютно посторонним» [Фокин, 1994, с. 56].

Самоидентификация не только важна для полноценного самоощущения личности, но и «становится призмой, через которую рассматриваются, оцениваются и изучаются многие важные черты современной жизни» [Бауман, 2005, с. 176]. Со-бытие является интерпретируемым бытием. Идентичность же выступает такой силой, которая способна оказывать воздействие не только на *восприятие* социума, но и на объективные социальные структуры, связи, на сам способ жизни человека в обществе, на достижение аутентичности его бытия. Идентичность составляет смысловое наполнение реальности, повседневности человека. «Рядовые члены общества в их субъективно осмысленном поведении не только считают мир повседневной жизни само собой разумеющейся реальностью. Это мир, создающийся в их мыслях и действиях, который переживается ими в качестве *реального*» [Бергер, Лукман, 1995, с. 38].

Таким образом, поиск смысла и сути идентичности современного человека, с одной стороны, обогащен, с другой – усложнен динамичным процессом виртуализации бытийного пространства. Предоставляя человеку новые яркие возможности взаимодействия с Другими и разнообразные способы самопредъявления, виртуальная реальность создает все условия для формирования бесчисленных виртуальных образов, идентичностей. Этому способствует и сохраняющаяся анонимность, порождая опасность чрезмерной увлеченности личности ее цифровыми идентификациями и «выпадения» из реального бытийного пространства.

Поиск собственной идентичности — ключевой путь жизнедеятельности человека, что обусловлено движением от «назначенной» кем-то идентичности к самостоятельно созданной личностью. Актуальным является вопрос полиидентичности. В равной степени распространены мнения о естественности состояния множественной идентичности современного человека, включенного одновременно в несколько процессов взаимодействия с Другими, и об опасности чрезмерной увлеченности личности созданием «виртуальных дублеров»,

способных привести к зависимости личности от постоянно изменяющихся цифровых идентификаций.

Изменения взглядов на идентичность на разных этапах виртуализации бытия личности

В конце 1990-х гг. в виртуальном пространстве наблюдалась тенденция множественной идентичности (полиидентичности), конструирования различных форм кибер-идентичности, «зыбкость» и «множественность» Я в виртуальном пространстве общения человека (S. Turkle, A. Balsamo, M. Sinnirella и др.). «Интернет становится важной социальной лабораторией для экспериментов с созданием и реконструкцией Я, что характеризует жизнь в постмодернистском обществе», — писала Шерри Теркл [Turkle, 1996, p. 156]. Формулировка «игры с идентичностью» как нельзя лучше характеризуют активность личности в виртуальной бытийности в тот период [Bechar-Israeli, 1995]. Человек стремился в буквальном смысле примерить на себя различные роли, образы, формы поведения, прощупать возможности, предоставляемые Интернетом того периода развития, насытиться ими.

За последнее десятилетие информационные технологии шагнули далеко вперед. В период с 2004 г. по настоящее время виртуальная реальность, можно сказать, переживает новое рождение, перезагрузку, поскольку именно эти годы характеризуются зарождением и бумом развития виртуальных социальных сетей, изменивших Интернет до неузнаваемости.

Теперь информационное бытие личности используется как пространство для безграничных возможностей самоопределения. Личность в свою очередь оказывает принципиальное воздействие на киберпространство, регулярно поставляя ему новые запросы. Это обоюдный прогрессирующий процесс, взаимовлияющая тенденция. «Не только мы врываемся в виртуальный мир своей идентичностью, но и виртуальный мир врывается в нас, достраивая и расширяя пространство нашего Я» [Viseu, 1999].

Современными исследователями в области кибер-психологии утверждается неразрывность внешнего и внутреннего мира личности пользователя, т.е. мир виртуальных социальных коммуникаций рассматривается как слияние, симбиоз online- и offline-деятельности [Albrechtslund, 2008]. Социальные сети — это пространство для общения между реальными людьми посредством цифровых технологий, пространство их реального со-бытия, вероятно, никогда не выходящего за рамки *виртуального*, но при этом не становящегося менее *реальным*.

Российскими учеными также отмечается тенденция смены самопрезентации личности в Интернете. А. Г. Асмолов и Г. А. Асмолов считают, что с начала XXI в. «Интернет стал платформой для восстановления стабильности идентичности» [Асмолов, Асмолов, 2009]. По мнению Г. Р. Шакуровой (Камаловой),

пользователи стали больше обращаться к новым формам самовыражения и ресурсам, которые позволили «найти своё сообщество» [Шакурова (Камалова), 2005, 2006, 2008].

Развитие блогосферы, «живых журналов» и социальных сетей практически исключили анонимность в Интернете, раскрывая истинную личность, презентуя виртуальному сообществу реальную идентичность через формирование содержания своих персональных страниц, круга своего социального (реального и виртуального) взаимодействия. Виртуальная социальная сеть выступает инструментом расширения реального бытийного пространства личности, в рамках которого происходит уравнивание идентичности и проявление истинного Я пользователя. Таким образом, меняются и формы репрезентации, и содержание.

Изменение характера виртуального пространства, связанное в существенной степени с появлением социальных сетей, способствовало изменению направленности личности в области собственной идентичности. Господствующая ранее тенденция экспериментирования с идентичностью и множественной идентичности в сети сменилась «стабилизацией идентичности». Неразрывность внешнего и внутреннего мира личности отражается и в единстве online- и offline-бытия личности, где не только виртуальность влияет на личность и ее идентичность, но и личность преобразует виртуальное бытие вокруг себя.

Тенденции поиска личностной идентификации пользователями социальных сетей в ходе виртуализации бытия

Исследование вопроса предъявления личности в виртуальной реальности показало, что среди некоторых ученых по-прежнему широко распространено убеждение в том, что профили пользователей социальных сетей идеализированы [Manago, Graham, Greenfield, Salimkhan, 2008]. В свете данной позиции была выдвинута гипотеза о том, что эти идеализированные идентичности владельцев профилей вовсе не отражают их реальную личность. Контрастным мнением является убежденность в том, что виртуальные социальные сети предоставляют широкие возможности, позволяющие отобразить свою фактическую, реальную идентичность, что способствовало бы максимально точному межличностному восприятию. Социальные сети транслируют различные и многообразные аспекты личности (ближайшее окружение, внешность, интересы, симпатии и антипатии, образы поведения и т.д.), которые в большей степени предоставляют достоверную информацию о личности. Конечно, эти критерии по-прежнему могут идеализоваться [Back, Stopfer, Vazire, Gaddis, Schmukle, Egloff, Gosling, 2010].

В поддержку данной гипотезы группой исследователей из США и Германии было проведено исследование с целью изучения характеристик про-

филя пользователя социальной сети, которые рассматривались по двум критериям: 1) *ideal-selfratings* (рейтинг идеального-Я) — описание участниками собственного образа, симпатичного им самим; 2) *observerratings* (рейтинг наблюдателей) — восприятие пользователей Другими. Результаты проведенного исследования подтвердили убежденность исследователей в предоставлении личностью своей реальной идентичности в профиле социальной сети [Back, Stopfer, Vazire, Gaddis, Schmukle, Egloff, Gosling, 2010].

Социальные сети выступают эффективным ресурсом для выражения *реальной идентичности*. Именно этот факт особо привлекателен для современного пользователя, ищущего способы и пути идентификации, поиска своего Я и открытого заявления его обществу.

Полученные нами результаты исследований субъектности личности пользователя и взаимосвязи ее виртуальной бытийности с реальным бытием [Рябикина, Богомолова, 2013] обнаруживают более сложную ситуацию, в которой оказывается современный пользователь социальных сетей. Она проявляется в дифференциации позиций, занимаемых личностью — *субъектной* или *асубъектной*.

Субъектная позиция выражается в ориентации на поддержку своей идентичности в со-бытии с Другим, стремлении к аутентичности бытия в реальном поле. Занимая субъектную позицию, человек способен и стремится быть реалистичным и в киберпространстве. Социальные сети могут сочетаться с жизнью в *offline*, создавая дополнительную ресурсность, предлагая информацию, способы и операции, совершенствующие бытие личности, повышающие возможность ее самореализации [Косивченко, 2011, 2012]. «Поиск идентичности является очень важным стремлением, выражающимся в стремлении испытать новый опыт, который невозможно испытать в реальном общении» [Жичкина, 2001].

Асубъектная позиция проявляется в уходе от реальных контактов с Другими, отстранении от людей, в утрате истинной заинтересованности в них. Личность выбирает виртуальную реальность, отгораживаясь от нежелательных контактов, отношений и суждений, формируя ложную идентичность, в результате получая больше подкрепление своей идентичности. Как следствие, возникает опасность «зависания» личности в виртуальном пространстве, когда общение *online* из средства, расширяющего границы реальной жизни личности, превращается в единственно существующую, превалирующую потребность, подчиняющую себе человека [Богомолова, 2013; Рябикина, Богомолова, 2013]. Эта потребность делает его зависимым от гаджетов (компьютеров, ноутбуков, смартфонов, айфонов, мобильного Интернета и т.д.), новых возможностей виртуализирующегося мира, позволяющих личности не привязываться к месту, дающему возможность виртуального контакта здесь и сейчас (мобильных версий сайтов, социальных сетей, площадок, типа Instagram и т.д.). В ре-

зультате этой зависимости формируется ложносубъектная позиция личности, препятствующая достижению аутентичности бытия.

Выявленная в исследовании американских и немецких ученых ориентированность пользователей социальных сетей на трансляцию своего истинного Я в виртуальном пространстве свидетельствует о тенденции пользователей открыто заявлять о себе. Данные проведенного нами исследования обнаруживают более глубокую и сложную дифференциацию, связанную с неоднозначностью позиции, занимаемой пользователями социальных сетей, — субъектной или асубъектной. Первая выражается в трансляции личностью своей истинной идентичности в реальном и в виртуальном бытии, вторая — в стремлении избегания реальных контактов, уходе в виртуальное пространство, формировании ложной идентичности.

Заключение

Проблематика виртуальной идентичности личности и конструирования ложных идентичностей в социальных сетях занимает особое место в современной психологической науке в России и за рубежом и характеризуется множеством споров и противоречивых мнений. Взгляды на процесс идентификации в условиях нарастающей виртуализации бытия неоднократно менялись. Характер самопредъявления личности в виртуальном пространстве с момента его зарождения и до сегодняшнего дня нестабилен и находится в постоянном движении, отвечая на новые предложения Интернета, порождая новый спрос. Пользователю в силу его поведения и особенностей активности необходимо учитывать постоянно меняющуюся виртуальную нормативность — нестабильную и непрозрачную. Это ставит человека в сложное положение по отношению к виртуальному сообществу, общепринятым этическим нормам и по отношению к самому себе.

Социальные сети постепенно стали частью повседневной жизнедеятельности многих людей и неизбежно влияют на самоидентификацию личности. Виртуальная идентичность *пользователя* социальных сетей в свою очередь способна влиять как со знаком плюс, так и со знаком минус на образ жизни *реального* человека и общества, на формирование субъектной позиции личности в реальном и виртуальном бытии.

Сегодня среди ученых нет согласия в вопросе о том, что же собой представляет личность пользователя социальных сетей. В ходе работы нам стали очевидны нарастающие тенденции, свидетельствующие о стремлении пользователя транслировать в киберпространстве свою реальную идентичность с учетом сохраняющейся анонимности. При этом личность стремится соблюсти собственную заинтересованность в сохранении неприкосновенности своего частного виртуального (и реального) пространства, выражающую его це-

лостность, защищенность. Эти аспекты накладывают отпечаток на характер личностной идентичности в условиях виртуализации бытия.

Специфика виртуального пространства дает пользователям возможность исследовать многие аспекты собственной личности. Сохраняющаяся анонимность в данном случае создает позитивную независимость от социальных норм, давления со стороны или отвержения личности, отличающейся от своего окружения расой, сексуальной ориентацией, физическими дефектами и т.д.

Выявленная по итогам исследования западных ученых направленность пользователей социальных сетей на трансляцию своего истинного Я в виртуальном пространстве свидетельствует о нарастающем стремлении пользователей открыто заявлять о себе. Данные проведенного нами исследования обнаруживают более глубокую связь позиции, занимаемой пользователем в социальной сети, — *субъектной* или *асубъектной*, с особенностями проявленности личности в виртуальности — *истинной* или *ложной*. Субъектная позиция выражается в трансляции личностью своей истинной идентичности в реальном и в виртуальном бытии; асубъектная — в избегании реального взаимодействия, включении в виртуальное пространство с возможностью регламентации нежелательных контактов и реакций с целью формирования ложной идентичности и получения подкрепления этой идентичности.

Социальные сети выступают богатым ресурсом для выражения *реальной идентичности* и самоопределения (например, профессионального и творческого совершенствования и развития), поскольку внешний (offline) и внутренний (online) мир offline- и online-личности едины в современной действительности. Эта плотная связь при определенных обстоятельствах может привести к возникновению зависимости от виртуального Я и отстранению от реального бытия. В то же время социальные сети являются инструментарием для личности, стремящейся к расширению границ offline-взаимодействия посредством online, обогащая свое реальное бытие дополнительной, простой и доступной ресурсностью.

Библиографический список

1. Адлер, А. (1995). *Практика и теория индивидуальной психологии*. Москва: Фонд «За экономическую грамотность».
2. Асмолов, А. Г., Асмолов, Г. А. (2009). От Мы-медиа к Я-медиа: трансформации идентичности в виртуальном мире. *Вопросы психологии*, (3), 3–15.
3. Бауман, З. (2005). *Индивидуализированное общество*. Москва: Логос.
4. Бергер, П., Лукман, Т. (1995). *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. Москва: Медуим.
5. Богомолова, Е. И. (2013). Конструирование личностной идентичности, проблемы приватности личности, ее анонимности и безопасности в социальной сети.

- В *Психология – наука будущего: матер. V международной конференции молодых ученых* (с. 70–72). Москва: Институт психологии РАН.
6. Бодрийяр, Ж. (2000). *Символический обмен и смерть*. Москва: Центр гуманитарных технологий.
 7. Войскунский, А. Е. (2010). *Психология и Интернет*. Москва: Акрополь.
 8. Выгонский, С. И. (2010). *Обратная сторона Интернета: психология работы с компьютером и сетью*. Ростов-на-Дону: Феникс.
 9. Жичкина, А. Е. (1999). Социально-психологические аспекты виртуальной коммуникации. Режим доступа http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Article/Gichk_SocPsih.php
 10. Жичкина, А. Е. (2001). *Взаимосвязь идентичности и поведения в Интернете пользователей юношеского возраста*. (Автореф. дис. ... канд. психол. наук). Москва.
 11. Косивченко, Е. И. (2012). Стратегии самопредъявления и проблематика приватности личности в виртуальном пространстве ее со-бытия. В З. И. Рябикина, В. В. Знаков (ред.) *Личность и бытие: проблемы, закономерности и феноменология со-бытийности: матер. Всерос. науч.-практ. конф.* (с. 120–124). Краснодар: Кубанский гос. ун-т.
 12. Косивченко, Е. И. (2011). Характерологические особенности личности пользователей социальных сетей Интернета. В *Дружининские чтения: матер. X Всерос. науч.-практ. конф.* (с. 140–144). Сочи: СГУТиКД.
 13. Косивченко, Е. И. (2012). Мотивационная регуляция деятельности личности в виртуальном социальном поле бытия (на примере виртуальных социальных сетей). В *V Съезд общероссийской организации «Российское психологическое общество»: матер. участников съезда*. (Т. 3, с. 47–52). Москва: Российское психологическое общество.
 14. Липовецки, Ж. (2001). *Эра пустоты. Очерки современного индивидуализма*. Санкт-Петербург: Владимир Даль.
 15. Майерс, Д. (2000). *Изучаем социальную психологию*. Санкт-Петербург: Прайм-Еврознак.
 16. Рябикина, З. И., Богомолова, Е. И. (2013). Возможные изменения субъектной позиции личности в связи с нарастающей виртуализацией ее бытия. *Человек. Сообщество. Управление*, (2), 76–90.
 17. Фокин, С. А. (1994). *Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века*. Санкт-Петербург: Мифрил.
 18. Шакурова (Камалова), Г. Р. (2005). Самопрезентации уфимских ICQ-пользователей в виртуальном пространстве. В *Технологии информационного общества – Интернет и современное общество: труды VIII Всерос. объединенной конф.* (с. 84–87). Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ.
 19. Шакурова (Камалова), Г. Р. (2006). Виртуальные коммуникации уфимцев. *Вестник Академии наук Республики Башкортостан*, 11 (1), 60–66.
 20. Шакурова (Камалова), Г. Р. (2008). Идентичность в он-лайн пространстве. В *Этнокультурные и этнополитические процессы в XXI веке: сб. матер. Междунар. науч.-практ. конф.* (с. 390–397). Уфа: Гилем.
 21. Albrechtslund, A. (2008). Online Social Networking as Participatory Surveillance. Retrieved from <http://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/view/2142/1949>

22. Back, M. D., Stopfer, J. M., Vazire, S., Gaddis, S., Schmukle, S. C., Egloff, B., & Gosling, S. D. (2010). Facebook Profiles Reflect Actual Personality, Not Self-Idealization. *Psychological Science, 21* (3): 372–374 Retrieved from <http://pss.sagepub.com/content/early/2010/01/28/0956797609360756>
23. Balsamo, A. (1995). Signal to noise: On the meaning of cyberpunk subculture. In F. Biocca & M. Levy (Eds.) *Communication in the age of virtual reality. LEA's communication series* (pp. 347–368). New York: Lawrence Erlbaum Associates.
24. Bechar-Israeli, H. (1995). From «Bonehead» to «Clonehead»: Nicknames, Play, and Identity on Internet Relay Chat. *Journal of Computer-Mediated Communication, 1* (2). Retrieved from <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1083-101.1995.tb00325.x/full>
25. Boyd, D. M., Ellison, N. B. (2007). Social network sites: Definition, history, and scholarship. *Journal of Computer-Mediated Communication, 13*, 210–230.
26. Boyd, D. M. (2007, June). We Googled You: Should Fred hire Mimi despite her online history? Harvard Business Review. Retrieved from <http://www.danah.org/papers/HBRJune2007.html>
27. Manago, A. M., Graham, M. B., Greenfield, P.M., & Salimkhan, G. (2008). Self-presentation and gender on MySpace. *Journal of Applied Developmental Psychology, 29*, 446–458.
28. Poster, M. (2000). CyberDemocracy: Internet and the Public Sphere. In J. Hartley, R. E. Pearson, (Eds.) *American Cultural Studies: A reader* (pp. 402–413). New York: Oxford University Press.
29. Reid, E. M. (1991). Electropolis: Communication and Community On Internet Relay Chat. Retrieved from <http://www.ee.mu.oz.au/papers/emr/electropolis.html>
30. Sinnirella, M. (1998). Exploring temporal aspects of social identity: the concept of possible social identities. *European Journal of Social Psychology, 28* (2), 97–113.
31. Suler, J. (1997). The Bad Boys of Cyberspace Deviant Behavior in Online Multimedia Communities and Strategies for Managing it. Retrieved from <http://www1.rider.edu/~suler/psyber/badboys.html>
32. Turkle, Sh. (1996). Parallel lives: working on identity in virtual space. In D. Grodin & T. R. Lindlof (Eds.) *Constructing the self in a mediated world: inquiries in social construction* (pp. 156–175). Thousand Oaks: Sage.
33. Turkle, Sh. (1997). Constructions and reconstructions of self in virtual reality: Playing in the MUDs. In S. Kiesler (Ed.). *Culture of the Internet* (pp. 143–155). New York: Lawrence Erlbaum Associates.
34. Valkenburg, P. M. & Peter, J. (2009). Social consequences of the Internet for adolescents: a decade of research. *Current directions in psychological science, 18*, 1–5.
35. Viseu, A. (1999). A multidisciplinary approach to the mutual shaping process in electronic identities or «We shape the tools and thereafter they shape us» McLuhan. Retrieved from http://www.yorku.ca/aviseu/eng_id-shaping_content.html
36. Zimbardo, P. G. (1970). The human choice: Individuation, reason, and order versus deindividuation, impulse, and chaos. *Nebraska symposium on motivation, 17*, 237–307. Статья поступила в редакцию 14.02.2014.

Статья поступила в редакцию 18.02.2014.

PERSONAL IDENTITY AT VIRTUALIZATION OF BEING

E. I. Bogomolova

Ekaterina I. Bogomolova, Kuban State University, Chair for personal and general psychology, post-graduate student. E-mail: bogomolova_kate@bk.ru.

The article presents the results of the analysis of Western and domestic researches, from different theoretical positions considering the problems of societal increasing virtualization impact on a person and his/her being.

The authors agree in their assessment of the fact that the importance of being integrated in the sphere of everyday social interactions of virtual social networks is important. They though keep disagreement in the ways of considering and assess the problem of personal identity at virtualization of being.

One of the most discussed aspect of virtual reality is the orientation of a person to keep anonymous. Two the most accepted views at anonymity in virtual being and the problem of personal authenticity on the net were extracted as a result of the analysis carried out. A part of the authors indicate *deindividuation* phenomenon and personal orientation at idealized, exaggerated self-presentation, the other are sure in the fact that anonymity enriches the ways of personal self-presentation via joining an image of the other, the attempt to translate one's self into an Other's self in searching the one's self in the stranger's self.

With the emergence of social networks the trend in anonymity has changed and is expressed in the move from experimenting with identity to «stabilization of identity» on the net, the problem discussed being personal *polyidentity*. Equally, the opinions about contemporary multiple identity of a person circulate, included simultaneously in several processes of interaction with the Others, as well as about the danger for a person to be keen on creating multiple digital identifications and then «dropping out» from real being.

The orientation of the social network users on translation their real selves in virtual space indicated by Western researchers is the evidence of the fact that the users tend to claim themselves open. The data of the research carried out by us show complex differentiation connected with the ambiguity of the position the users take: *subject* of or *asubject*, the first expressed in the translation by a person one's real identity in real and virtual being, the second — in the aspiration to avoid real contacts and going away into virtual space, forming false identity.

Key words: person, subject, identity, being, co-being, communication, virtual reality, social network, anonymity.

References

1. Adler, A. (1995). *Praktika i teoriya individual'noy psikhologii* [The Practice And The Theory Of Individual Psychology]. Moscow: Fond «Za ekonomicheskuyu gramotnost'».
2. Albrechtslund, A. (2008). Online Social Networking as Participatory Surveillance. Retrieved from <http://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/view/2142/1949>
3. Asmolov, A. G. & Asmolov, G. A. (2009). Ot My-media k Ya-media: transformatsii identichnosti v virtual'nom mire [From We-Media To I-Media: Identity Transformations In The Virtual World]. *Voprosy psikhologii* [Psychology questions], (3), 3–15.
4. Back, M. D., Stopfer, J. M., Vazire, S., Gaddis, S., Schmukle, S. C., Egloff, B., & Gosling, S. D. (2010). Facebook Profiles Reflect Actual Personality, Not Self-Idealization. *Psychological Science*, 21 (3): 372–374 Retrieved from <http://pss.sagepub.com/content/early/2010/01/28/0956797609360756>

5. Balsamo, A. (1995). Signal to noise: On the meaning of cyberpunk subculture. In F. Biocca & M. Levy (Eds.) *Communication in the age of virtual reality. LEA's communication series* (pp. 347–368). New York: Lawrence Erlbaum Associates.
6. Bauman, Z. (2005). *Individualizirovannoe obshchestvo* [Individualized Society]. Moscow: Logos.
7. Bechar-Israeli, H. (1995). From «Bonehead» to «Clonehead»: Nicknames, Play, and Identity on Internet Relay Chat. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 1 (2). Retrieved from <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1083-101.1995.tb00325.x/full>
8. Berger, P. & Luckmann, T. (1995). *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [Social Building Of Reality. The Treatise Of Knowledge Sociology]. Moscow: Medium.
9. Bodrillard, G. (2000). *Simvolicheskiy obmen i smert'* [Symbolic exchange and death]. Moscow: Tsentr gumanitarnykh tekhnologiy.
10. Bogomolova, E. I. (2013). Konstruirovaniye lichnostnoy identichnosti, problemy privatnosti lichnosti, ee anonimnosti i bezopasnosti v sotsial'noy seti [Building Personal Identity, The Problems Of Personal Privacy, Anonymity And Security On A Social Network]. In *Psikhologiya – nauka budushchego: mater. V mezhdunarodnoy konferentsii molodykh uchenykh* [Psychology – the science of the future: the V International Conference of Young Scientists] (pp. 70–72). Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences Publ.
11. Boyd, D. M, Ellison, N. B. (2007). Social network sites: Definition, history, and scholarship. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 13, 210–230.
12. Boyd, D. M. (2007, June). We Googled You: Should Fred hire Mimi despite her online history? Harvard Business Review. Retrieved from <http://www.danah.org/papers/HBRJune2007.html>
13. Fokin, S. L. (1994). *Tanatografiya Erosa: Zhorzh Batay i frantsuzskaya mysl' serediny 20 veka* [Eros Thanatography. Georges Bataille And French Thought Of Mid-20th Century]. St. Petersburg: Mifril.
14. Kosivchenko, E. I. (2011). Kharakterologicheskie osobennosti lichnosti pol'zovateley sotsial'nykh setey Interneta [Personal Characterological Peculiarities Of Social Network Users On Internet]. In *Druzhininskie chteniya: mater. X Vseros. nauch.-prakt. konf.* [Druzhinin reading: minutes of 10th All-Russia scientific-practical conference] (pp. 140–144). Sochi: SGUTiKD.
15. Kosivchenko, E. I. (2012). Motivatsionnaya regulyatsiya deyatelnosti lichnosti v virtual'nom sotsial'nom pole bytiya (na primere virtual'nykh sotsial'nykh setey) [Motivational Regulation Of Personal Activity In Virtual Social Being Sphere]. In *V S'ezd obshherossijskoj organizatsii «Rossijskoe psikhologicheskoe obshchestvo»: mater. uchastnikov s'ezda* [5th congress of All-Russia organization “Russian psychological society”, the minutes of the participants] (V.3, pp. 47–52). Moscow: Rossiyskoe psikhologicheskoe obshchestvo.
16. Kosivchenko, E. I. (2012). Strategii smopred'yavleniya i problematika privatnosti lichnosti v virtual'nom prostranstve ee so-bytiya [The Strategies Of Self-Presentations And The Problems Of Personal Privacy In Virtual Social Being Sphere]. In Z. I. Ryabikina & V. V. Znakov (Eds.) *Lichnost' i bytie: problemy, zakonomernosti i fenomenologiya so-bytiya*

- jnosti: mater. Vseros. nauch.-prakt. konf.* [Personality and Being: problems, regularities and phenomenology of co-being: minutes of All-Russia scientific-practical conference] (pp. 120–124). Krasnodar: Kuban State University.
17. Lipovetskiy, Zh. (2001). *Era pustoty. Ocherki sovremennogo individualizma* [Emptiness Age]. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
 18. Manago, A. M., Graham, M. B., Greenfield, P.M., & Salimkhan, G. (2008). Self-presentation and gender on MySpace. *Journal of Applied Developmental Psychology*, 29, 446–458.
 19. Mayers, D. (2000). *Izuchaem sotsial'nuyu psikhologiyu* [Let's Study Psychology]. St. Petersburg: Praym-Evroznak.
 20. Poster, M. (2000). CyberDemocracy: Internet and the Public Sphere. In J. Hartley, R.E. Pearson, (Eds.) *American Cultural Studies: A reader* (pp. 402–413). New York: Oxford University Press.
 21. Reid, E. M. (1991). Electropolis: Communication and Community On Internet Relay Chat. Retrieved from <http://www.ee.mu.oz.au/papers/emr/electropolis.html>
 22. Ryabikina, Z. I. & Bogomolova, E. I. (2013). *Vozmozhnye izmeneniya sub"ektnoy pozitsii lichnosti v svyazi s narastayushchey virtualizatsiey ee bytiya* [Possible Changes In A Subject Personal Position In Connection With The Growing Being Virtualization]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], (2), 76–90.
 23. Shakurova (Kamalova), G. R. (2008). *Identichnost' v onlayn-prostranstve* [Identity In Online-Space]. In *Etnokul'turnye i etnopoliticheskie protsessy v 21 veke: mater. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Ethnocultural And Ethnopolitical Processes In 21st Century: Materials of the International scientific and practical conference] (pp. 390–397). Ufa: Gilem.
 24. Shakurova (Kamalova), G. R. (2005). *Samoprezentatsii ufimskikh ICQ-pol'zovateley v virtual'nom prostranstve* [Self Presentations Of Ufa ICQ-Users In Virtual Space]. In *Tekhnologii informatsionnogo obshchestva – Internet i sovremennoe obshchestvo: trudy VIII Vseros. ob"edinennoy konf.* [The Technologies Of Information Society – Internet And Modern Society: works of the VIII All-Russian joint conference] (pp. 84–87). St. Petersburg, SPbSU Faculty for Philology.
 25. Shakurova (Kamalova), G. R. (2006). *Virtual'nye kommunikatsii ufimtsev* [Ufa Inhabitants Virtual Communications]. *Vestnik Akademii nauk Respubliki Bashkortostan* [Minutes of Bashkortostan Acad. Sci.], 11 (1), 60–66.
 26. Sinnirella, M. (1998). Exploring temporal aspects of social identity: the concept of possible social identities. *European Journal of Social Psychology*, 28 (2), 97–113.
 27. Suler, J. (1997). The Bad Boys of Cyberspace Deviant Behavior in Online Multimedia Communities and Strategies for Managing it. Retrieved from <http://www1.rider.edu/~suler/psycyber/badboys.html>
 28. Turkle, Sh. (1996). Parallel lives: working on identity in virtual space. In D. Grodin & T. R. Lindlof (Eds.) *Constructing the self in a mediated world: inquiries in social construction* (pp. 156–175). Thousand Oaks: Sage.
 29. Turkle, Sh. (1997). Constructions and reconstructions of self in virtual reality: Playing in the MUDs. In S. Kiesler (Ed.). *Culture of the Internet* (pp. 143–155). New York: Lawrence Erlbaum Associates.

30. Valkenburg, P. M. & Peter, J. (2009). Social consequences of the Internet for adolescents: a decade of research. *Current directions in psychological science*, 18, 1–5.
31. Viseu, A. (1999). A multidisciplinary approach to the mutual shaping process in electronic identities or «We shape the tools and thereafter they shape us» McLuhan. Retrieved from http://www.yorku.ca/aviseu/eng_id-shaping_content.html
32. Voyskunskiy, A. E. (2010). *Psikhologiya i Internet* [Psychology And Internet]. Moscow: Akropol'.
33. Vygon'skiy, S. I. (2010). *Obratnaya storona Interneta: psikhologiya raboty s komp'yuterom i set'yu* [The Reverse Of Internet: The Psychology Of Work With A Computer And Net]. Rostov-on-Don: Feniks.
34. Zhichkina, A. E. (1999). *Sotsial'no-psikhologicheskie aspekty virtual'noy kommunikatsii* [Socio-Psychological Aspects Of Virtual Communication]. Retrieved from http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Article/Gichk_SocPsih.php
35. Zhichkina, A. E. (2001). *Vzaimosvyaz' identichnosti i povedeniya v Internete pol'zovateley yunosheskogo vozrasta* [Interrelation Of Teen-Users' Identity And Behavior On Internet]. (Cand. Dissertation Abstract). Moscow.
36. Zimbardo, P. G. (1970). The human choice: Individuation, reason, and order versus deindividuation, impulse, and chaos. *Nebraska symposium on motivation*, 17, 237–307.